

Леухина Любовь Евгеньевна

ОБЫДЕННОСТЬ В ВИДЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Статья раскрывает обыденность в качестве пространства социализации. Основное внимание в работе автор уделяет рассмотрению интегративных практик на различных этапах жизненного цикла человека. В статье выделен способ, на основе которого человек включается в жизненное пространство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 149-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ABOUT THE PROBLEM OF STUDENTS – SOCIAL SCHOLARS' SOCIAL WELL-BEING

Ol'ga Alekseevna Lebedenko

Department of Engineering Pedagogy and Social Work
Novocherkassk State Soil-Reclamation Academy
olgaleb08@rambler.ru

The author substantiates the necessity of students, particularly students – social scholars' social well-being research, considers the originality of the studied students' group as a social community, presents the results of her own research of students – social scholars' value systems and suggests the ways of their social well-being and health optimization.

Key words and phrases: social well-being; students – social scholars; students – social scholars' value systems; adaptation to studying in higher education institution.

УДК 100-199; 13

Статья раскрывает обыденность в качестве пространства социализации. Основное внимание в работе автор уделяет рассмотрению интегративных практик на различных этапах жизненного цикла человека. В статье выделен способ, на основе которого человек включается в жизненное пространство.

Ключевые слова и фразы: обыденность; социализация; жизненный цикл.

Любовь Евгеньевна Леухина

Кафедра философии и политологии
Марийский государственный университет
Luba111286@mail.ru

ОБЫДЕННОСТЬ В ВИДЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА[©]

Обыденность является жизненным пространством каждодневного бытия человека. Она является одной из базовых сфер существования индивида, его воспроизводства, становления и развития.

Обыденность на протяжении длительного периода оставалась вне поля зрения философской мысли. Вплоть до XX века обращение исследователей к повседневному существованию человека носило фрагментарный характер в русле различных аспектов философской проблематики. Предметное обращение к категории «повседневность» (обыденность) связано с развитием феноменологического направления западной философии. Э. Гуссерль обращает внимание на специфику каждодневного существования человека, «сферы человеческой обыденности» [4, с. 142], видит в них систематичность действий, определенный способ восприятия реальности «через для-себя-наглядность» [Там же]. Вслед за ним к данной проблематике обращаются А. Шюцц, Т. Лукман, Г. Гарфинкель и другие зарубежные философы XX и XXI веков. Отечественная философская мысль подвергает анализу категорию «обыденность» и определяет ее в качестве особого пространства бытия человека, специфической области реальности. Ученые сосредотачиваются на комплексном изучении понятия «обыденность», выделяя отдельные его структурные части. Ученые рассматривают духовные (Е. В. Золотухина-Аболина, Е. В. Давидович, Л. Г. Ионин, С. Н. Боголюбова) и материальные (Г. К. Кнабе, П. Н. Кондрашов, Л. П. Станкевич, И. П. Поляков, А. Л. Ястребицкая) структуры повседневного бытия. Современное отечественное философское знание выделяет категорию «обыденность» и обозначает в качестве «реальности» [3], «действия» [6], «процесса» [7], «жизненной среды» [9] и т.д.

Обыденность – это реальность, часть и сфера жизненного мира человека, имеющая определенную структуру, характеристики и признаки, подчиняющаяся общим закономерностям развития природы и общества. Повседневность – это весьма сложная и многомерная форма бытия человека, находящаяся в постоянном развитии и под влиянием общественных изменений.

Относительно недолгое изучение обыденности ставит ее в разряд *актуальных* тематик философского знания. Обращение к повседневности обусловлено тем, что именно человек выступает определенным центром обыденного пространства (антропоцентричность). Человек существует в обыденности и конструирует («социальное конструирование» – П. Лукман, Т. Бергер) [1], создает ее структуры, но в то же время и обыденность оказывает влияние на человека. Необходимым является рассмотрение влияния обыденности на человека, специфичности повседневного существования индивида.

Повседневность бытия человека является пространством социализационных, интеграционных практик. Обыденные духовные и материальные структуры бытия в различной совокупности формируют определенные условия, схемы повседневного существования, которые способны оказывать положительное или негативное влияние.

Человек в течение жизни разгадывает схемы бытия, овладевает кодами существования в социуме, изменяет их под особенности конкретной ситуации. Формы и способы повседневного бытия выкристаллизовываются из взаимодействия человека с реальностью в ее материальном (*Um-welt*, окружающий предметный мир) и духовном (традиции, нормы, ценности) выражении. «Особый код (схемы-типизации повседневности)

возникает в сознании индивида при необходимости решить ту или иную практическую проблему, он отвечает на вопрос «как?»» [8, с. 6]. Найдя способ решения той или иной проблемы обыденного бытия, человек овладевает определенным жизненным опытом.

Существование человека обуславливается жизненными циклами бытия (детство, молодость, зрелость, пожилой возраст), которые оказывают определенное влияние на обыденное существование человека, обуславливают специфику интегративных, социализационных практик.

На протяжении всего существования в жизни человека присутствуют обыденные структуры. В детстве человек существует в повседневном мире, сконструированном взрослым. Индивид сталкивается с каждодневной потребностью адаптироваться к создаваемым другими условиям бытия, учиться взаимодействовать в обществе. Для удовлетворения обозначенных потребностей человек наполняет свое повседневное пространство различными социализационными действиями, через которые он пытается стать частью социального. Обыденные социализационные практики составляют часть первичной социализации. Если в детстве человек социализируется в общество, в мир вообще, то в молодости, зрелом возрасте интегративные практики носят личностный характер, находясь в зависимости от конкретных потребностей индивида.

В период молодости человек находится в переходном состоянии. Оно обусловлено отсутствием универсальности первичной социализации, ее неспособностью удовлетворять в полном объеме потребности человека. Полученный первичный опыт от соприкосновения с действительностью оказывается недостаточным для общественного бытия человека. В период молодости человек стремится вырваться из «чужой» (родительской) обыденности и создать (skonструировать) собственную. Это вынуждает человека ресоциализироваться (вторичная социализация) в социум, овладевать новыми для него способами коммуникаций, взаимодействиями. Обыденность молодого человека наполнена социализационными действиями, обусловленными переходностью этапа становления индивида.

Обретя зрелость, человек способен не только конструировать обыденность, но и создавать определенные условия для социализации других людей. Обыденное существование зрелого человека не лишено полностью социализационных практик, они лишь значительно снизились, перешли в разряд локальных, фрагментарных практик повседневного бытия человека. Обусловленные социализации выражаются в качестве вторичной социализации человека. Вторичная социализация – это своеобразная реакция человека на конкретные вызовы бытия. Они часто связаны с необходимостью обретения новых социальных ролей или практических навыков.

В период старости обыденность человека наполняется большим количеством практик социализации. Это вызвано необходимостью человека менять свой образ жизни в силу изменившихся обстоятельств существования (физическое угасание, уход из профессиональной сферы, социальная невостребованность и прочее). Общество имеет небольшое количество социальных технологий социализации людей пожилого возраста, работа в основном сфокусирована вокруг молодого поколения. Повседневность пожилого человека состоит из различных интегративных действий, овладения новым социальным статусом пожилого человека. Отсутствие перспектив развития снижает оптимизм обыденного существования пожилого человека. Кроме того, обыденное существование пожилого человека включает и положительные аспекты бытия. Они связаны с возможностью проявлять социальную активность (написание мемуаров, книг, воспитание внуков, участие в общественной деятельности).

На протяжении всего жизненного цикла обыденность человека включает социализационные практики бытия. Социализация индивида в повседневное пространство осуществляется на основе определенных механизмов взаимодействия человека с общественным пространством. Осмысление чужого опыта (традиции, устои, социальные нормы) является одним из способов социальной интеграции. Это происходит тогда, когда индивид получает «смысл чужого опыта через вникание в традицию, форму жизни, жизненный мир, языковую игру...» [5, с. 53]. Человеку свойственно в обыденной жизни использовать отработанные образцы, которые способны гарантировать определенный алгоритм действий и прогнозируемый результат. Человек в обыденности редко прибегает к новационным способам бытия, изобретает новые формы существования, чаще всего социализация происходит на уровне использования уже имеющегося. «Важнейшим фактором социализации индивида является латентное ненавязчивое усвоение им неявных знаний о наличном социальном порядке, способах собственного реагирования на чужие слова и поступки» [2, с. 10].

Итак, человек и обыденность находятся в состоянии взаимовлияния и взаимообусловленности. С одной стороны, человек оказывает воздействие на повседневность, конструируя ее структуры, а с другой – обыденность оказывает влияние на человека через определенные условия каждодневной жизни. Человек существует в конкретных обыденных условиях, которые оказывают социализирующее или десоциализирующее влияние на него. Специфика обыденных интегративных практик обусловлена этапами жизненного цикла человека.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Боголюбова С. Н. Повседневность: феномен неявного знания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
4. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Логос, 1994. 162 с.
5. Козлов Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47-56.
6. Кондрашов П. Н. Марксистская теория повседневности // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98-115.
7. Цанн-кай-си Ф. В. Оправдание повседневности // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 18-24.
8. Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. С. 55-62.
9. Ястребицкая А. Л. Междисциплинарный диалог и изучение истории повседневности и материальной культуры в Центральной Европе. М., 2003. 160 с.

COMMONNESS AS PERSON SOCIALIZATION SPACE

Lyubov' Evgen'evna Leukhina*Department of Philosophy and Political Science
Mari State University
Luba111286@mail.ru*

The author reveals commonness as socialization space, pays special attention to integrative practices review at a person's life cycle different stages and singles out the way on the basis of which a person is included into living space.

Key words and phrases: commonness; socialization; living space.

УДК 316.482

В данной статье анализируется социальный состав участников Гордоновского бунта, дается периодизация бунта и исследуется изменение состава участников на разных стадиях бунта. На основе принятых в западноевропейской исторической науке концепций анализируется «толпа» как ведущая социальная группа, в которую входили участники бунта.

Ключевые слова и фразы: социология толпы; Гордоновский бунт; Протестантская ассоциация; народные волнения; гражданские беспорядки; социальный протест.

Егор Павлович Макаров*Кафедра всеобщей истории**Поволжская государственная социально-гуманитарная академия**Egor.Makarov.esq@gmail.com***СОЦИОЛОГИЯ ТОЛПЫ ГОРДОНОВСКОГО БУНТА[©]**

Гордоновский бунт 1780 г. был величайшим актом гражданского неповиновения в Англии после восстания Монмаута 1685 г. По сей день перед исследователями стоит множество нерешенных вопросов, ставших, по словам Хораса Уолпола, «загадками Гордоновского бунта» [17, р. 402]. Одной из таких «загадок» является определение социального состава организаторов и участников Гордоновского бунта.

Сам лондонский бунт можно условно разделить на несколько стадий. Первая стадия, носившая характер мирного шествия, длилась с полудня до ночи 2 июня 1780 г. Вторая стадия длилась с ночи 2 июня по 6 июня до того момента, когда начали приниматься конкретные практические шаги со стороны городских властей, направленные на подавление бунта. Третья стадия бунта длилась с 6 по 8 июня, при этом 8 июня можно назвать переломным моментом бунта. Заключительная стадия продлилась с 8 до 10 июня, то есть до того момента, когда на улицах Лондона был восстановлен относительный порядок.

В документах времени бунта отражены данные относительно членов протестантской ассоциации, а также относительно тех людей, что были пойманы на местах преступлений. Списки протестантской ассоциации дают нам информацию о 44000 членах этой организации в Лондоне, а также о 120000 подписавших петицию в палату общин [19, р. 155-159]. Из 450 арестованных военными только 160 были привлечены к ответственности. Сравнение документов ассоциации и актов о задержании дает нам информацию о том, что никто из 450 арестованных на местах преступлений не был членом протестантской ассоциации, и это первое важное документальное подтверждение того, что протестантская ассоциация не имела отношения к беспорядкам, начиная со второй стадии Гордоновского бунта.

Рассматривая первую стадию бунта, важно отметить, что во время шествия с петицией к парламенту не было зарегистрировано ни одного правонарушения со стороны заявителей, которых, по разным данным, насчитывалось от 50000 до 100000 человек [13, р. 283-287]. Во время шествия в рядах членов протестантской ассоциации можно было увидеть значительное количество богатых и обеспеченных людей, а также членов среднего класса. Среди заявителей также находились представители городских властей, торговых кругов, общественные деятели, представители интеллектуальной элиты того времени, врачи, держатели таверн и питейных заведений, ремесленники, подмастерья, а также представители самых различных профессий, то есть люди совершенно разного социального статуса.

К вечеру можно зафиксировать первое разделение участников шествия на тех, кого условно можно назвать «лояльными гражданами», и тех, кого можно назвать «толпой», впоследствии устроившей беспорядки на улицах города. При этом мы склонны считать, что лояльные граждане, покинувшие улицы с завершением парламентского заседания, могут считаться принадлежащими к протестантской ассоциации, выполнившими ее рекомендации по поддержанию порядка. Другая же группа, условно названная в большинстве исторических работ «толпой», проявила себя в дальнейшем лишь с негативной стороны, устраивая грабежи и поджоги в различных частях Лондона.